

DOI 10.31250/2618-8600-2021-3(13)-146-170

УДК 316.772.5:39

Д. С. Ермолин

Музей антропологии и этнографии
им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
Санкт-Петербург, Российская Федерация
ORCID: 0000-0001-8474-9120
E-mail: denis.ermolin@gmail.com

А. А. Михайлова

Российский этнографический музей
Санкт-Петербург, Российская Федерация
ORCID: 0000-0001-7457-2309
E-mail: alena-muzej@yandex.ru

Вспоминая Приштину: сетевые сообщества и практика изучения этносоциальных процессов*

АННОТАЦИЯ. В статье рассматривается коммуникативное поведение членов ностальгического по своему характеру сообщества «Приштина в сердце» в социальной сети Facebook. Группа состоит в основном из бывших жителей города Приштины, многие из которых были вынуждены покинуть его в результате войны в Косово в 1998–1999 гг. В ходе годового мониторинга коммуникативного взаимодействия в группе авторами был проведен контент-анализ публикуемого текстовизуального массива, позволивший выявить основные мотивы включения участников в сообщество и коллективные практики, содействующие его укреплению. Этому же способствовало изучение эмоциональной и ассоциативной рефлексии членов сообщества по поводу знакомых им визуальных образов и специфики памяти в коллективно-ностальгическом дискурсе. Задачи исследования заключаются в поиске ответов на ряд вопросов: какую роль память о прошлом играет в жизни тех, кто о нем повествует; какие механизмы обеспечивают прочность сообщества; что стимулирует его активность; как городское пространство обуславливает память; какие объекты городской инфраструктуры становятся объектами-символами, объектами-нарративами? Анализ контента и коммуникативных практик показал, что для многих членов участие в сообществе служит не только способом самоидентификации в динамичном и пестром социальном пространстве современности, но и защитой своего индивидуального через коллективное. Группа выступает источником понятных и неизменных ценностей, сохраняющихся в условиях постоянно трансформирующейся окружающей среды, а практика онлайн-ностальгирования позволяет его членам пережить посттравматический синдром, возникший вследствие распада Югославии, Косовского кризиса и изменения этнокультурного ландшафта в местах их прежнего проживания.

* Исследование выполнено за счет средств гранта Российского научного фонда (проект № 19-78-00067).

К Л Ю Ч Е В Ы Е С Л О В А : коммеморативные практики, югоностальгия, городское пространство, коллективная идентичность, сетевые сообщества, социальные сети, киберэтнография, коллективная травма, социальные практики, травматические воспоминания, ментальные карты

Д Л Я Ц И Т И Р О В А Н И Я : Ермолин Д. С., Михайлова А. А. Вспоминая Приштину: сетевые сообщества и практика изучения этносоциальных процессов. *Этнография*. 2021. 3 (13): 146–170. doi 10.31250/2618-8600-2021-3(13)-146-170

D. Ermolin

Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences
St. Petersburg, Russian Federation
ORCID: 0000-0001-8474-9120
E-mail: denis.ermolin@gmail.com

A. Mikhailova

The Russian Museum of Ethnography
St. Petersburg, Russian Federation
ORCID: 0000-0001-7457-2309
E-mail: alena-muzej@yandex.ru

Remembering Pristina: Network Communities and the Practice of Studying Ethno-Social Processes

ABSTRACT. Using the example of the Facebook group “Pristina in the Heart” (Serbian “Priština u srcu”), the article examines the communicative behavior of the community members, who, as a rule, are former residents of this city having left it mainly as a result of the war in Kosovo in 1998–1999. The authors chose content analysis as their main method, which involved studying the content of a text array and visual series published in the form of live dialogues on the social network, as well as online observation, i. e. studying communications within a group carried out on a daily basis within the framework of a thematically determined information space. The authors also made an attempt to examine the emotional and associative reflections of the community members on the familiar visual images and look into the specifics of memory in a collective nostalgic discourse. The objectives of the study were to understand what role the memory of the past plays in the lives of those who narrate about it, what is the mechanism for maintaining the strength of the community, what stimulates its activity, how urban space shapes the memory, and which objects of urban infrastructure become symbolic and narrative ones.

KEY WORDS : commemorative practices, Yugonostalgia, urban space, collective identity, network communities, social networks, cyber-ethnography, collective trauma, social practices, traumatic memories, mental maps

FOR CITATION : Ermolin D., Mikhailova A. Remembering Pristina: Network Communities and the Practice of Studying Ethno-Social Processes. *Etnografia*. 2021. 3 (13): 146–170. doi 10.31250/2618-8600-2021-3(13)-146-170 (In Russ.).

Интенсивное развитие сетевых коммуникаций заметно расширило исследовательский инструментарий, применяемый в изучении жизни различных сообществ и мониторинге этносоциальных процессов. Преимущество новых подходов состоит в том, что сбор информации от ее непосредственных носителей не требует от исследователя физического перемещения в одну с ними точку. Сведения аккумулируются в едином пространстве и представляют собой «живой», постоянно самоактуализирующийся материал.

Накопившийся за последние годы в тематических группах социальных сетей информационный массив становится, таким образом, насыщенным содержательным ресурсом, применимым в научной работе (Сергодеев 2013: 132–137). Это добавляет актуальности исследованиям, направленным на изучение геополитических потрясений конца XX — начала XXI в. В частности, сетевая рефлексия очевидцев недавнего прошлого становится незаменимым источником при изучении этносоциальных процессов на постъюгославском пространстве. Образование хронологической дистанции в несколько десятилетий с момента существенной трансформации его этнополитического ландшафта дает возможность рассматривать события прошлого с позиции их социальной значимости в настоящем. Обращение к данной проблематике позволяет в некоторой степени восполнить дефицит исследований этно- и антропологической направленности в изучении проблем национализма, геополитических сдвигов и их последствий в Балканском регионе¹. Исследования, посвященные устной истории и виртуальным коммеморативным практикам в контексте памяти о городском пространстве в постъюгославском дискурсе, в силу отсутствия на сегодняшний день отработанной методологии носят спорадический характер. Впрочем киберэтнография несомненно пробивает себе место и в общей литературе, и в отдельных исследованиях, в том числе касающихся изучения ностальгического дискурса на постсоветском пространстве (Kozinetz 2010; Pink et al. 2016; Очкина 2012; Кусимова, Шмидт 2016; Головнёв, Белоруссова, Киссер 2018; Головнёв 2020).

Базовыми методами данного исследования были выбраны контент-анализ, основанный на изучении текстовизуального массива, опубликованного в форме постоянно обновляющихся диалогов в социальной сети, а также включенное онлайн-наблюдение за повседневной коммуникацией участников сетевого сообщества в рамках тематически обусловленного информационного пространства. Кроме того, авторами была предпринята попытка изучения эмоциональной и ассоциативной рефлексии членов сообщества на знакомые им визуальные образы и специфики памяти в коллективно-ностальгическом дискурсе.

¹ Проблема нехватки подобных исследований поднималась и ранее, см.: (Ермолин 2017: 116–117).

Задачи исследования заключаются в поиске ответов на ряд вопросов: какую роль память о прошлом играет в жизни тех, кто о нем повествует; какие механизмы обеспечивают прочность сообщества; что стимулирует его активность; как городское пространство обуславливает память; какие объекты городской инфраструктуры становятся объектами-символами, объектами-нарративами?

Исследование основано на годовом мониторинге (с марта 2020 г. по февраль 2021 г.) постов в открытой группе «Приштина в сердце» в социальной сети Facebook². Группа была создана 1 сентября 2012 г. бывшими жителями этого крупнейшего города Косово — этническими сербами Д. Лазичем и А.-М. Самарджич. Целью, по их словам, была «организация пространства для сохранения памяти о предках, без которых не было Приштины». На начало 2021 г. группа насчитывает более 7,1 тыс. человек. Несмотря на естественную убыль ее «старожилов», за 2020 г. численность участников сообщества возросла более чем на 1 000 человек. Активность в группе прямо пропорциональна количеству участников — с ростом их числа увеличивается и суммарное количество реакций (комментариев, репостов, лайков, эмодзи). В среднем за день в сообществе появляется до пяти постов, каждый из которых набирает от нескольких десятков до нескольких сотен лайков и комментариев. Обновления отображаются в индивидуальных новостных лентах, что позволяет членам коллектива ежедневно актуализировать свое в ней присутствие. В выходные и праздничные дни коммуникативная активность в сообществе возрастает.

подавляющее число членов сообщества — люди, проживавшие в городе до эскалации югославского кризиса в 1990-е гг. Актив на сегодняшний день составляют уроженцы Приштины послевоенных лет, окончившие среднюю школу в конце 1950 — 1970-х гг. Многие из них имеют статус внутренне перемещенных лиц и проживают в крупных городах Сербии — Белграде, Нише, Крушеваце и др., а также в Черногорском приморье. Некоторые участники группы покинули Косово еще в юности, в 1970–1980-х гг., на волне трудовой миграции и в настоящее время живут в Западной Европе или США. Среди представителей сообщества есть также и те, кто продолжает жить в Косово, главным образом в сербских анклавах, крупнейшими из которых являются Грачаница, Доня Брница, северная часть Косовска-Митровицы. Помимо уроженцев Приштины, общение в группе поддерживают и переехавшие в столицу Косово в 1970–1990-е гг. с целью получения образования и/или профессиональной реализации в ее учреждениях или на предприятиях.

Несмотря на то что группа ведется на сербском языке, этнический состав участников разнороден. Помимо сербов, составляющих большую часть членов группы, в сообществе состоят черногорцы, боснийские

² См.: www.facebook.com/groups/pristinausrcu/about (дата обращения: 01.09.2021).

мусульмане, македонцы, горанцы и цыгане. Для последних двух этносов характерно присутствие в группе целых коллективов близких родственников. Среди участников также есть некоторое число турок и албанцев, которые редко проявляют коммуникативную активность, поскольку проблемно-тематическое содержание публикуемого контента для них не всегда актуально. Без адресного уточнения этнической принадлежности части участников сообщества привести более точную статистику не представляется возможным.

Помимо тех, чья судьба непосредственно связана с городом, в группу входят лица, сопереживающие судьбе неалбанского населения Приштины (и шире — Косово). Их внимание к происходящему в ленте зачастую мотивировано политическими взглядами, профессиональными интересами или подверженностью югоностальгии как более массовому явлению (Luthar, Pušnik 2010; Vošković 2013). Эти люди редко принимают участие в обсуждениях, ограничиваясь лишь потреблением размещаемого в группе контента.

НОСТАЛЬГИЧЕСКОЕ СООБЩЕСТВО И ПОСТТРАВМАТИЧЕСКИЙ СИНДРОМ

По своему тематическому содержанию группу «Приштина в сердце» можно отнести к разряду ностальгических сообществ³. С. Ю. Бойм, известная своими исследованиями в области коллективных ностальгических практик, указывает, что в таких случаях речь идет «о доме, которого больше нет», в метафорическом смысле, хотя в дословном переводе с греческого понятие «ностальгия» означает «тоска по дому» (Бойм 2019). Однако многие участники группы «Приштина в сердце» остались без своих домов совершенно буквально вследствие так называемого Косовского кризиса. В 1998–2000 гг. из муниципалитета Приштина на территорию Центральной Сербии и Воеводины было расселено почти 36 000 человек (Registracija [б/г]: 45). Это событие стало для них одновременно и индивидуальной, и коллективной травмой, поскольку были нарушены привычный уклад, хозяйственно-экономическая основа существования, социальные связи, культурная среда. Многие из переселенцев на новом месте пережили социальную эксклюзию или до сих пор сталкиваются с ней. Типичный пример вербального отторжения переселенцев принимающим сообществом передается в одной из реплик, опубликованных в группе: «С Приштиной связаны мои самые лучшие воспоминания. А здесь нам говорят, что мы шиптары⁴» (Hiljmi Abazi, г. Ниш).

³ Терминология рассматриваемого феномена неустойчива, встречаются и другие схожие понятия: «сообщества ностальгирующих», «пространство коллективной ностальгии» (Смолина 2014: 135).

⁴ Шиптарами (от алб. Shqiptar — албанец) в Сербии пренебрежительно называют косовских албанцев, стремясь подчеркнуть их невежество и свое к ним неприязненное отношение, см.: (Ермолин 2016).

Иными словами, условия проживания в изменившейся среде не для всех оказались благоприятными, из-за чего многие бывшие приштинцы предпочитают жить ностальгическими воспоминаниями, связанными с родным городом и прошлой жизнью в нем. Вместе с тем анализируемые материалы свидетельствуют о том, что даже в благоприятно сложившейся обстановке травматический синдром окончательно не проходит. Так, в одном из высказываний участница группы (Milanka Mitić, г. Вране) признается, что жизнь ее семьи после переселения нормализовалась, но даже спустя двадцать два года она не может смириться с тем, что все их движимое имущество осталось в приштинской квартире.

Встреча приштинцев в социальной сети по прошествии долгого периода адаптации к жизни в других городах и даже странах и совместное ностальгирование стали своеобразным способом коллективного проживания и переживания этих травматических событий и осознания невозможности возвращения в предшествовавшее массовому исходу прошлое, которое было относительно стабильным и предсказуемым, а потому и более комфортным для повседневного психоэмоционального состояния. Сила ностальгических воспоминаний, отличающая их от других способов «взглянуть» на прошлое, кроется в том, что они способны превращать повседневность во что-то значимое, а неприятное — в приятное (Korkiakangas 2004: 113). Она вбирает в себя индивидуальное и коллективное, этническое и надэтническое, локальное и глобальное. Поэтому ностальгию по Приштине можно считать и частью более масштабного психологического феномена — югоностальгии, связанной с травмой утраты общей для всех граждан СФРЮ и однозначно престижной идентичности югославы (Maksimović 2017).

ВИРТУАЛЬНОЕ ЗЕМЛЯЧЕСТВО И КОЛЛЕКТИВНЫЕ ПРАКТИКИ

Ностальгия по прошлому, связанному с жизнью в городском пространстве Приштины, сопряжена не только с переживанием травматических событий. Так, для мигрантов, уехавших из Косово в страны Запада по экономическим мотивам еще в 1960–1980-е гг., рассматриваемое сообщество стало своего рода виртуальным землячеством. Оно обеспечивает им среду для актуализации культурных корней. Участие в коллективном ностальгировании служит для них одним из способов самоидентификации в мультикультурном окружении. Схожие мотивы имеются и у потомков вынужденных переселенцев, которые никогда не жили в Приштине, но унаследовали культурные нарративы старших родственников.

Присутствие в группе бывших горожан, проживающих в настоящее время в сербонаселенных предместьях Приштины и сохраняющих повседневный контакт с городом вследствие профессиональной и прочей деятельности, создает в восприятии других членов сообщества эффект

сопряженности прошлого с настоящим и сохранения живого моста с эпицентром воспоминаний. В группе встречаются, например, такие предложения: «Если кто-то из приштинцев захочет увидеть фото или видео своего [бывшего. — Д. Е., А. М.] дома, пусть мне сообщит об этом. Я пойду и с большим удовольствием окажу эту услугу» (Jovica Pić, с. Преоце).

Вектор ностальгии оставшихся в Косово приштинцев, в свою очередь, направлен не столько на само городское пространство, сколько на его утраченный социальный ландшафт. Они скучают по покинувшим город друзьям, родственникам, коллегам, соседям и тем временам, когда все они были частью повседневности друг друга. Об этом свидетельствуют многочисленные воспоминания о бывшем окружении и расспросы о судьбе тех или иных бывших знакомых. Таким образом, одной из реализуемых в сообществе практик является мысленное одушевление городского пространства и персонификация памяти о коммуникативном опыте.

Коллективное ностальгирование осуществляется посредством вербально-графической рефлексии членов сообщества на ежедневно публикуемые в информационной ленте администраторами и активистами группы визуальные образы. Основной контент составляют фотографии с видами города разных периодов, взятые из открытых источников и личных архивов, старые открытки, групповые фотографии (из образовательных учреждений, с разнообразных праздников, индивидуальные фото на фоне узнаваемых объектов городского ландшафта и др.), а также авторские рисунки участников сообщества. Визуальные образы публикуются по отдельности или сериями. Довольно часто посты представляют собой короткие авторские описания, содержащие лирические воспоминания о юности, проведенной в Приштине, или семейные истории. Иногда в качестве темполагающих постов публикуются стихотворные тексты участников группы.

Важным свойством публикуемого контента является его общественная значимость — возможность узнать место, пробудить воспоминания, актуализировать понятные большинству смыслы и ценности. Контентом с высокой степенью рефлексии являются фотографии жилых домов и образовательных учреждений: они вызывают всплеск воспоминаний о соседском окружении и участниках учебного процесса. Иными словами, визуализация коллективных символов служит главным инструментом поддержания ностальгической риторики.

Реакция на посты бывает текстовой, выражающей законченную мысль, или графической (эмодзи), обозначающей эмоциональную сопричастность с темой. Помимо обмена воспоминаниями и воспроизведения городских нарративов, члены группы поддерживают актуальную групповую коммуникацию — они поздравляют друг друга с днями рождения, другими праздниками, выражают соболезнования по случаю безвременной кончины членов сообщества. Эти практики помогают коллективу

ощущать свою целостность. Стоит отметить, что формат социальной сети позволяет участникам сообщества общаться посредством личных сообщений, следовательно публикация реплик на «стене» подчеркивает их желание делиться своими мыслями именно с широкой аудиторией.

«ОБРАЩЕННАЯ В ПРОШЛОЕ УТОПИЯ»

С. Ю. Бойм справедливо назвала ностальгию «обращенной в прошлое утопией», отметив, что это чувство связано с тоской по детству, по далекой исторической эпохе, по старым временам, которые по прошествии лет приобрели в сознании идеализированные черты. Мониторинг диалогов между членами группы наглядно подтверждает этот тезис. Наиболее часто встречающийся в них нарратив описывает Приштину как место безоблачного счастья, всеобщего благоденствия, лучшего исторического периода. Собеседники, например, пишут: «В этом городе я слаще всего смеялась и была самой счастливой» (Vesna Veljković, г. Белград); «Это были лучшие времена» (Vera Delić, г. Белград); «В том городе прошли мои самые счастливые дни, месяцы и годы» (Zaklina Živković, г. Кралево) и т. п.

Однако исторические факты говорят о том, что в 1970–1980-е жизнь в Приштине была довольно беспокойной. В 1968 г. в городе прошли первые албанские студенческие демонстрации, обозначившие назревание будущего кризиса (Мартынова 2013: 83). Публичные протесты происходили и в последующие годы, достигнув своей кульминации в 1981 г. На фоне набиравших обороты межэтнических противоречий особенно остро встала проблема безработицы и отсутствия перспектив для самореализации молодежи. Социальная нестабильность сопровождалась экономическими неурядицами, что, в свою очередь, провоцировало отток населения в более благополучные регионы Югославии, а также за рубеж.

Тем не менее, вспоминая о своей жизни в городе, собеседники стараются избегать мрачных оттенков. Единичные высказывания участников сообщества, указывающие на негативные факторы и призывающие к объективной реконструкции прошлого, воспринимаются коллективом как попытка деноминировать ностальгический пафос общей риторики. Так, указание в одной из бесед на то, что в условиях постоянных комендантских часов детство не было таким уж безоблачным (Marija Šejović, г. Ниш), решительно опровергается утверждением, что оно все равно было самым счастливым (Dusica Ivanović, Dragana Djokić Nedeljković, г. Ниш). Подобные диалоги обнаруживают резкий контраст между субъективной памятью и следованием коллективному нарративу, задающему тон высказываний в публичном пространстве. Критические ремарки вызывают раздражение у ностальгирующих участников группы и заставляют их еще прочнее солидаризироваться в идеализации прошлого. Таким

образом, ностальгия, будучи системой идеализированных представлений о совместном прошлом, несомненно выступает фактором укрепления коллективной идентичности членов сообщества.

Рассмотренные механизмы хорошо прослеживаются на примере одной беседы. Она начинается с обширного поста, выдержанного в патетическом тоне:

Мое воображение рисует, как я подъезжаю на автобусе к своему дому. Выхожу на остановке у кафе «Три шешира». Мой дом прекрасен как никогда. Рядом с ним мои друзья. Радуюсь предстоящей встрече. Две минуты, отделяющие меня от дома, тянутся вечно. Неужели все это важнее того, что у меня есть теперь? Похоже, что да. У меня украли воспоминания и право вспоминать. А я был так счастлив, когда просто без цели шагал по городу. Когда через дворы Градич Пейтона [район Приштины. — Д. Е., А. М.] спешил на стадион, чтобы успеть на второй тайм, вход на который был бесплатным. А кинотеатр «Омладина» и киножурналы перед началом фильма... Нет больше прогулок по Гермии [большой парк на окраине города. — Д. Е., А. М.], где мы пинали осенние листья, или по Софайлии и Златару, где собирали дикие груши и мушмулу... Горечь воспоминаний встает комом в горле. Каждый год, словно отшельник, я вновь и вновь пускаюсь в воспоминания и без стеснения плачу... Такая вот терапия. Говорят, это ненадолго... Всего лишь до смерти (Branko Nikić, г. Белград).

На текст последовала буря восторженных откликов от участников группы из разных точек земного шара: «Ты описал ощущения всех нас, кому пришлось покинуть родной город. Воспоминания остались с нами навсегда» (Şemsi Mecihan, г. Измир); «И у меня точно такие же переживания! Мне всего этого не хватает, тут, где вас больше нет» (Neđo Šaranović, г. Грачаница); «Каждое слово на своем месте!» (Teko Rifatović, г. Хельсингборг); «Все мы, кто родился в Приштине, ощущаем себя точно так же. Мы понимаем друг друга, и у всех нас родной город останется в сердце до самой смерти» (Masa Pantić Mugoša, г. Подгорица).

Нить коллективного воодушевления внезапно была прервана высказыванием о том, что ностальгия иллюзорна:

Я родилась в Приштине и жила в ней до 2000 года. Я с пониманием отношусь к воспоминаниям о нашем городе, но мне непонятно, как спустя уже 20 лет мы все еще скорбим по нему. Мы были молоды, и уже поэтому в те годы все было прекрасно. Но это прошлое, а думать надо о будущем. Зачем переходить в патетику: «это самый лучший город... мы в него вернемся...». В то время нам, может, и казалось, что это самый прекрасный город на Земле, но на самом деле это было обычное захолустье. Я никогда

не вернулась бы в Приштину. И думаю, что 90% переселенцев на практике не захотели бы туда вернуться, вопреки тому, что на публике заявляют обратное (Olivera Lazarević Todorović, г. Крушевац).

Прямота заявления спровоцировала еще больший всплеск сантиментов у участников беседы. Возражения относительно высказанного приняли форму развернутых контраргументов и даже смелых заявлений о готовности вернуться в Приштину:

Я не забыла свой город и никогда не смогу его забыть. Город, в котором мы жили, оставил в каждом из нас свой след, ведь он держал нас под своим крылом. Я всегда с радостью вспоминаю то время, когда мы были молоды и счастливы. Теперь мы — кто где, нас проглотили большие города, и здесь мы никогда не будем до конца своими, и здесь всегда будет не хватать той душевной теплоты (Vesna Stojanovic, г. Белград).

Я словно и не жила эти последние 20 лет. Приштина осталась в моем сердце навсегда, и я никогда ее не забуду (Sica Spasojević, г. Ниш).

Сама мысль о том, что мы никогда не вернемся в Приштину, очень тяжела. Туда, где мы учились, рожали, венчали детей, находили свою первую работу, давали друг другу взаймы, отмечали праздники и хоронили. Тут я живу не в своем городе. Я была выселена из Приштины, и я жду возвращения. Мои слезы и слезы моего народа прокляли тех, кто отнял у нас часть нашего бытия. Пусть все отнятое им будет проклято! (Kostić Sasa Dragica, г. Белград).

Мы уехали, чтобы спасти себе жизни. Если бы было можно, я вернулась бы в Приштину прямо завтра (Branimirka Aleksić Hill, г. Белград).

Беседа закончилась на реплике, поставившей коллектив ностальгирующих в тупик прагматичностью своего содержания. Проживающий в предместье Приштины горанец неожиданно предложил: «Почему бы вам всем вместе не собраться в Приштине в отеле “Гранд”. Можно организовать встречу, ночлег, прогулку по городу... И тогда в душе настанет покой, хотя бы на время» (Salif Dalifi, г. Косово-Поле). Рациональное предложение резко оборвало иррациональное полотно дискуссии. «Обращенная в прошлое утопия» оказалась не готова к контакту с реальностью, угрожающей демифологизацией и разрушением идеализированных ностальгических конструкторов. Беседа показала, что объективная действительность и ностальгические переживания на самом деле находятся в совершенно разных плоскостях.

ИДЕНТИЧНОСТЬ: «ПРИШТИНЦЫ»

Большинство членов группы объединяет между собой общая виртуально-локальная идентичность — «приштинцы» (серб. *приштивци*), связанная к топонимизированной «территории памяти». Они ощущают себя единым сообществом, поскольку в недалеком прошлом были горожанами Приштины. Несмотря на то что в настоящее время география расселения входящих в группу «приштинцев» охватывает практически весь земной шар (бывшие югославские республики, США, Новая Зеландия, страны Западной Европы и др.), в рамках коллективной памяти она локализуется в совершенно конкретной точке. Так, один из участников группы на этот счет постарался как можно понятнее разъяснить своему собеседнику:

Группа «Приштина в сердце» не подразумевает село Чаглавица, село Преоце, ни даже село Грачаница [приштинские сербонаселенные предместья. — Д. Е., А. М.]. Она посвящена Приштине. И здесь не имеются в виду дома и улицы. Важны прежде всего люди, их внутренний дух, причем такой сильный, что даже здесь, в Белграде, я ощущаю себя как в Приштине, когда мы ежедневно видимся и дружим, как это было и в Приштине в 1980-е годы (Vladimir Jakšić, г. Белград).

Высказывание свидетельствует о наличии четких границ, определяющих сообщество как городское (Пузанов 2013: 28). Оно также указывает на то, что одним из мотивов включения в жизнь сетевого сообщества является потребность приштинцев в актуализации своей идентичности средствами коллективной памяти. В основе этой коммеморации лежит практика реконструкции в коллективном воображении городского ландшафта и топографии Приштины преимущественно образца 1960–1980-х — периода, когда все эти люди взаимодействовали между собой в повседневности.

Участники группы постоянно подчеркивают, что для них Приштина — это прежде всего сообщество людей, в котором прошли их детство, юность и зрелые годы. Городской ландшафт в этой картине вторичен, но при этом выполняет роль несущей конструкции, на которую нанизываются воспоминания. В мемориализованном конструкте городского пространства каждый член сообщества сам определяет свое место в системе координат, причем локализует эту точку относительно других членов сообщества. Таким образом, именно мысленная реконструкция ландшафта при помощи долговременной эмоциональной, образной, смысловой памяти, путем демонстрации знания прежних названий улиц, домов, городских доминант, наиболее плотных узлов социального

взаимодействия и ориентации в городском пространстве того периода и служит основным механизмом актуализации идентичности.

НЕПРИКОСНОВЕННЫЕ ОБРАЗЫ ПРОШЛОГО

Консервация образов городского пространства гарантирует путешественникам во времени возможность мысленного возвращения всегда в одну и ту же точку прошлого и стыковки в ней с остальными членами сообщества. Это отчасти объясняет недовольство членов группы необратимыми изменениями в ландшафте, привносимыми современностью, поскольку они искажают закрепленную в коллективном воображении ментальную карту (Глазков 2013: 40). Собеседники с горечью отмечают несоответствие нынешнего облика города сохранившимся в их памяти образам: «Градич Пейтон больше не существует, а отель “Божур” совершенно неузнаваем» (Dragana Djokić Nedeljković, г. Ниш); «Дома, в котором мы жили, больше нет. Теперь там торчит что-то другое» (Tasevski Dejan, г. Белград); «Наш экономический колледж как будто никогда и не существовал. Очень тяжело на душе и сердце» (Ljiljana Dočić Trajković, г. Белград).

Подобное разочарование связано и с тем, что градостроительная политика последних десятилетий во многом была направлена на демонтаж югославского облика Приштины (Ермолин 2020: 196). Информантов задевает этот факт: «Прошлой зимой я прошлась по улицам Приштины. Все, что могло бы напомнить о нас, уничтожено» (Dragana Djokić Nedeljković, г. Ниш). Однако далеко не все изменения в городском пространстве в действительности продиктованы стремлением освободиться от ассоциаций с политическим прошлым. Так, ремонт здания среднеобразовательной школы и озеленение ее двора объективно могли быть связаны с реализацией насущной программы по благоустройству. Однако фотография школы со свежеевыкрашенным фасадом у участников группы вызвала бурю негативных эмоций: «Моя школа больше не похожа на мою школу. Боже, как же они ее изуродовали!» (Vesna Stojanović, г. Белград). Другой выпускник этой школы нашел и доказательство злого умысла: «Они убрали бюст Ацо Маровича [видного югославского функционера. — Д. Е., А. М.], который был символом нашей школы и каждое утро встречал нас с улыбкой и с улыбкой провожал» (Aleksandar Savić, г. Ниш). Довольно быстро участники беседы солидаризировались во мнении, что город не может выглядеть привлекательно без своих прежних жителей: «К сожалению, современный город совершенно неузнаваем. Он был красивее, когда мы жили в Приштине» (Vesna Andrejević Jovanić, г. Грачаница).

Позитивных сдвигов в преобразении современного пространства Приштины участники беседы не находят, обнаруживая повсюду отрицательные черты:

Наш город теперь похож на кучу старого хлама. Дома запущены, фасады обвалились, инвестиции закончились. Грустно и прискорбно, крупные учреждения стонут, ожидая санации, но без крупных вложений былым красавицам не вернуть свой первозданный вид. Кроме Белградской улицы нигде не осталось и следа воспоминаний. Отель «Унион» отреставрирован, но театр похож на старую хибару 1960-х годов. Кинотеатр «Омладина» теперь является чем угодно, только не кинотеатром, в то время как гордостью всех крупных городов, признаком его культурности и цивилизованности является кинотеатр! (Anica Djujić Drdovski, г. Ниш).

Дискуссия о пагубности современных градостроительных инициатив не обошла стороной и здание недавно построенного на месте бывшей гимназии католического собора Матери Терезы: «Я не вижу в этом соборе ничего красивого» (Миодраг Ракочевич, г. Белград); «И я не вижу ничего красивого. Только страшное и унылое» (Jasmina Stamenkovic Simić, г. Ниш). В последующих репликах участники беседы логически суммируют общее мнение: «Приштина больше не та, какой была» (Наташа Матић, г. Белград; Dragan Obradović, с. Сладоево Копито и пр.). Иными словами, очевидно, что современный город не удовлетворяет бывших приштинцев в качестве места встречи. По этой причине виртуальный формат общения, декорациями которому служат застывшие образы прошлого, для них является оптимальным: «Приштина нашего детства и молодости осталась лишь на наших фотографиях, в наших душах и сердцах» (Dušica Ničić, г. Ниш); «Наша улица навсегда останется такой, какой и была, в наших мыслях, несмотря на то что теперь она совершенно иная» (Vmm Vmm, г. Белград); «Только в наших сердцах Приштина осталась неизменна. В моем сердце она остается такой, какой я ее покинула» (Маса Рантић Мугоша, г. Подгорица). Таким образом, реконструируемое в коллективном воображении городское пространство не приемлет изменений, а рамки памяти «бывших» приштинцев оберегают его от соприкосновения с современностью.

Тот факт, что город продолжает свое существование и развивается в соответствии с новыми реалиями, у участников беседы вызывает разочарование. Так, один из участников группы поделился ощущениями от возвращения в Приштину:

Я понял, что не могу жить на чужбине. Я вернулся. Кто хочет, тоже может вернуться, ведь вместе мы сильнее. Иногда я выхожу на прогулку по Приштине, как когда-то, но признаюсь, это не наш город, это что-то совсем иное. Но все же это мой город, где я родился. Я заглядываю на Тршчанскую улицу, которая находится за театром, где был мой дом. На этой улице мы играли и радовались, а сейчас там даже автомобиль не может проехать, до такой степени они сузили проезд, строя свои дома. Они вырубали нам все

липы на корзо, возле которых мы встречались и общались. Но я точно знаю то место, где была моя липа. Порой я прихожу туда, стою и жду, когда соберется моя компания. Но никто не приходит (Nebojša Janićijević, г. Белград/Приштина).

Несмотря на то что высказывание выдержано в соответствующем общему настроению патетическом стиле, оно не встретило оживления среди собеседников. Их настороженность снова вызвало опасное сближение реальности с ностальгическим флером. На скупую реплику «Ну, хотя бы ты можешь пройтись по нашему городу!» (Masa Pantić Mugoša, г. Подгорица) автор поста ответил: «Могут все, кто хочет. Я в этом смысле не особенный» (Nebojša Janićijević, г. Белград/Приштина), чем исчерпал проблемное поле беседы. Анализ этого диалога позволяет понять, что спикер остался в одиночестве именно из-за того, что переместил себя из воображаемой системы координат в реальную. Он окружил себя пространством, в котором отсутствуют понятные всем городские объекты-ориентиры, равно как и знакомая социальная среда. По этой причине коммуникация в предложенном «месте встречи» не состоялась.

Для Приштины, воспроизводимой в коллективном воображении, принцип первичности социального ландшафта города по отношению к инфраструктуре играет особую роль. Именно он позволяет участникам сообщества ощущать себя горожанами и сохранять идентичность приштинцев, физически не являясь частью современного городского пространства. Ретрансляция этого принципа в диалогах группы происходит постоянно: «Дома не имеют никакого значения. Наш город определяли люди!» (Предраг Ђуровић, г. Белград); «Да, дома не имеют значения. Город состоял из людей. В сердце остается та Приштина, в которой мы жили и реализовывали себя и осуществляли свои мечты» (Sanda Petrović, г. Нови-Сад); «То, что город — это люди, — правда на 100%! Именно потому такой город любишь всю жизнь. Приветствую всех приштинцев, где бы они ни находились!» (Teško Rifatović, г. Хельсингборг). Провозглашение данного принципа позволяет сообществу сохранять автономность и независимость от любых реальных трансформаций современной городской среды Приштины.

ГРУППОВОЙ ПОРТРЕТ НА ФОНЕ ГОРОДА

Из диалогов в группе следует, что ее участники в период своего проживания в Приштине являлись представителями самых разных профессий. Они были заняты практически во всех сферах городской жизни — на административных должностях, в банковском секторе, в сфере обслуживания, на промышленных предприятиях. Среди активистов группы имеются бывшие сотрудники городской администрации, дирекции

рудодобывающих комбинатов, транспортных компаний, фабрики амортизаторов, Приштинского банка, отеля «Гранд», почты, складов, различных магазинов, университета, общепита, радиостанций, медицинских учреждений, театра и других досуговых заведений, СМИ, железной дороги, туристических агентств и прочих учреждений. Семьи многих из них обосновались в Приштине в послевоенный период, когда город стал столицей Автономного края Косово. В это время в ближайших окрестностях Приштины активно развивалась добывающая промышленность, набирал обороты рудо-энергетический комбинат, активно велась добыча олова и цинка в районе Айвалии, Кишницы и Ново Брдо, лигнита в Обиличе. В самом городе открылись деревоперерабатывающий и металлургический комбинаты, развивалась текстильная промышленность. Эти изменения влекли за собой реорганизацию городского пространства, в частности перепланировку центра города и прилегающих к нему кварталов, вытеснения одно- и двухэтажной застройки XIX — начала XX в. современными административными зданиями, в которых размещались государственные структуры, и новыми жилыми кварталами с многоквартирными домами. Эти процессы стали отчетливо заметны с 1957 г., когда после принятия четырехлетнего плана городского строительства в бюджет Косово были направлены крупные инвестиции (Lleshi 1971: 121; Sadiki, Maço 2019: 101).

Самая активная часть собеседников в 1950–1960-е гг. училась в школах, поэтому они хорошо помнят Приштину тех лет, когда навстречу массовому оттоку ее старого мусульманского населения в Турцию из разных мест Югославии в город прибывали молодые специалисты. Они получали квартиры в новых микрорайонах. Фотографии жилых домов из этих районов (серб. *Микро насеље, Солитеры код фонтане, Трећи стамбени блок; Градић Пејтон, Сунчани брег, Купушиште, Насеље Девет Југовића, Насеље Рамиз Садику, Драгодан*) вызывают самую бурную реакцию у членов группы. Абсолютным лидером по собранным комментариям стал длинный девятиэтажный панельный дом, в народе называвшийся «Кичма» (бывшая ул. Милоша Обилича, ныне Robert Doll D-12). В жилых кварталах протекала повседневная жизнь приштинцев, в постоянных контактах с семьей, соседями, друзьями. Поэтому, рассматривая эти фотографии, они узнают окна своих бывших квартир и вспоминают свое окружение, бытовые заботы, семейные и личные истории: «В этом светло-зеленом доме жил мой покойный кум Пера Чолакич» (Zoran Vujanac, г. Зренянин); «А также братья Амиджич, сестры Лакетич, Лола и Дуле, Анкица, Драган Вукадинович...» (Branko Nikić, г. Белград); «А также парикмахер Реджа Самурай» (Токиć Синиша, г. Ниш); «Да, тот, который поговаривал: “С моей прической все девчонки будут от тебя без ума”» (Darko Veljović, г. Осло); «И я был жертвой Реджи Самурая. Мой покойный отец договорился с ним, чтобы он нас всегда стриг по-армейски, независимо от того,

хотим мы этого или нет» (Nebojša Mijanović, г. Москва). С конца 1990-х гг. в этих домах проживает главным образом албанское население.

Часть воспоминаний оказывается связанной со старыми кварталами в исторической части города, прилегающей к рынку, в районе, называемом Четири луле⁵. Здесь долгое время сохранялся частный сектор, в котором проживало довольно много сербских семей (из активных участников группы это люди с фамилиями Baljuzović, Pecenović, Tijanić, Žorić, Dimić, Mirković, Simić, Stolić и др.). В диалогах они нередко подчеркивают свое старое приштинское (т. е. городское) происхождение (Sunčica Popović Grbić, г. Будва).

Представители сербского старожильского населения с большим уважением вспоминают своих соседей — членов турецких семей Safçi, Sulejmani, Ustaibo, Karabeg и др. Они демонстрируют свою привычность исторически обусловленному соседству фразами вроде «...родившись в Приштине, я сперва заговорил на турецком, и лишь потом на сербском» (Dragan Lazić, г. Белград) или вставляют в свою речь турецкие бранные выражения, называя их «приштинскими» (см. Момчило Живић, г. Белград). Общение на турецком в центральных кварталах Приштины сохранялось как городская архаика и колоритная особенность на протяжении всего югославского периода (Ермолин 2017: 135–136). В группе есть несколько бывших жителей этого квартала турецкого происхождения. Они изъясняются на сербском языке с несущественными грамматическими ошибками. Им тоже приятны воспоминания о соседях: «Я жил на улице Вука Караджича до 1967 г., но я все еще помню дядю Бошко, тетю Милеву, Бату, Новицу, Загу, Бубу, Зану... Все они были очень добрые люди и хорошие соседи» (Iskender Hacıkurtes, г. Приштина). Другой бывший житель квартала вспоминает: «У колонки с водой люди собирались и ждали почтальона, который приносил пенсии. Лучшим почтальоном был турок по имени Вебия» (Sefko Nerdzivan Osmani, г. Лас-Вегас). На интернациональном характере социального ландшафта Приштины в югославский период внимание акцентируется довольно часто: «В Приштине никто не обращал внимания на то, кто ты по национальности или вере, мы все были приштинцы» (Зову Ме Ненад, г. Улцинь).

Предположение, что образ города в сознании участников группы консервируется в неразрывной связи с сообществом, подтверждается и тем, что, помимо жилых домов и воспоминаний о соседях, участники группы также персонифицируют и другие объекты инфраструктуры: здания школ, университета, административных учреждений, частных заведений и т. д.: «В этой школе “19 ноября” преподавал математик Реджепагич, который дрался с учениками “по договоренности”» (Zivko Zivković,

⁵ Району посвящено отдельное сообщество в Facebook, которое также состоит из его бывших жителей: “4 Lule” Priština (на март 2021 г. в нем было 1 137 участников).

г. Косовска-Митровица); «Тут через дорогу от исполкома рядом с мечетью были лавка Вои Перича, кондитерская Мухарема и ателье Мики Прлинчевича» (Petar Filipović); «В начале Градич Пейтона был торговый ряд. Я хорошо помню кафе “Багрем”, которое держал Шефчет, свадебный салон Аны Гласнович, мастерскую часовщика Драгана Костича, адвокатские конторы Марка Чейовича, Вукмира Вековича, Марка Благодча, мясную лавку Назифа Гаши» (Branko Nikić, г. Белград). Воспроизведение памяти о людях и их месте в городском пространстве направлено на подтверждение их общей идентичности и служит одной из практик ее актуализации.

ПРИШТИНА НА ВКУС

Пристальный анализ ностальгических нарративов позволяет выявить и другие нюансы памяти, с помощью которых участники реконструируют прошлое. Ими служат тесно связанные с объектами городской инфраструктуры и социальной средой эмоционально позитивные ощущения: вкусы, звуки, запахи. Эти индивидуальные, на первый взгляд, ощущения оказываются частью публичного пространства, и воспоминания о них предполагают их узнаваемость и для других членов группы: «Тулумба в пудинге [серб. *tulumba u sutlijašu*, десертное блюдо турецкой и балканской кухонь. — Д. Е., А. М.] в кафетерии у к/т “Омладина” осталась в моих лучших воспоминаниях...» (Branko Nikić, г. Белград); «Все раньше было слаще. И когда мы помогали друг другу чистить и печь паприку для айвара, а потом его пробовали, и когда варили варенье из сливы или айвы... как же было хорошо, как я скучаю по родному городу» (Vesna Stojanović, г. Белград); «При взгляде на эту фотографию мне чудится запах чевапов [жареные колбаски из перемолотого мяса. — Д. Е., А. М.], они были восхитительны!» (Aleksandar Stojanović, г. Смедерево); «Когда мы выбегали на улицу из школы “Аца Марович”, то сразу ощущался запах каштанов, который тянулся до самого отеля “Божур”» (Dragana Djokic Nedeljkovic, г. Ниш); «Приштина — это запах лип в начале лета» (Zlatibor Lazić, Нови-Београд); «И печеных каштанов — зимой» (Sanja Djurović Rejović, г. Подгорица).

Запах лип сохранил настолько яркие воспоминания у большинства бывших горожан, что практически стал отдельным нарративом, постоянно всплывающим в беседах. Его устойчивость связана с тем, что липами была засажена прогулочная аллея — корзо, на которой ежедневно происходило досуговое общение горожан, а следовательно, этот запах сопровождал эмоционально позитивные события, значимые для всех членов группы: «Как же по вечерам пахли липы на корзо!» (Hamburg Surferer, г. Гамбург); «Липы теперь все спилены. Но их запах я ощущаю до сих пор...» (Vmm Vmm, г. Белград).

НЕПОСТОЯНСТВО ПАМЯТИ

Память выносит на поверхность позитивные общезначимые смыслы и ценности, которые в воспоминаниях выглядят светло и ясно. Однако в целом качество памяти информантов очень индивидуально. Многие из них говорят о том, что помнят все до мелочей: «Как нахлынут воспоминания, начинает казаться, что все это было вчера и вообще никогда не переставало быть!» (Sanda Petrović, г. Нови-Сад). Другие участники признаются в том, что многого уже не помнят: «Некоторых соседей помню туманно» (Nada Petrović-Toskić, г. Косовска-Митровица). Третьи настаивают на том, что с забвением необходимо бороться, а для этого следует чаще пересматривать фотографии и общаться: «Необходимо туда поехать, повсюду пройтись. Нужно поддерживать воспоминания в ясности» (Јадранка Ђорђевић). Четвертые признаются, что им почти нечего вспомнить по объективным причинам: «К сожалению, есть еще много нас, молодых, кто не застал или не запомнил город таким, какой он был прежде» (Tanja Danić-Jovanović, г. Белград).

Так или иначе, своим существованием и активностью группа «Приштина в сердце» осуществляет задачу формирования и поддержания общей коллективной памяти, во многом складывающейся из множества индивидуальных воспоминаний. Коллективный нарратив образуют наиболее яркие, зачастую гипертрофированные образы прошлого, которые по своему настроению контрастируют с травматическими переживаниями сообщества. Стремление к затиранию травматического опыта обуславливает практически полное отсутствие в публичной сфере негативных или критически настроенных воспоминаний.

Это обстоятельство способствует мифологизации образа прошлой жизни в городе, как и в целом в югославский период. Участники беседы идеализируют былую систему ценностей и взаимоотношений между людьми: «После школы наша компания собиралась на Белградской улице. Это была настоящая дружба — мы делили одну булку на всех» (Branka Ćirović, г. Грачаница). Идеализированные образы вкрапляются в узнаваемый городской ландшафт: повторение подобных отношений в другой точке света с другими людьми для участников беседы не представляется возможным. Мифологизация социальной среды Приштины как неповторимо благоприятной служит и репрезентационным задачам сообщества, а потому при расстановке акцентов память оказывается очень выборочной.

ПРАКТИКИ АКТУАЛИЗАЦИИ ИДЕНТИЧНОСТИ

Образы городской среды, созданные коллективной памятью, вплетаются в идентичность членов сообщества. Однако идентичность «приштинцы», к которой эти люди себя относят теперь, по смыслу

отличается от той, которая у них была в период проживания в Приштине, и эти разные идентичности могут быть охарактеризованы как «жители Приштины» и «жившие в Приштине». Следовательно, обязательным компонентом актуальной идентичности является мысленная обращенность в прошлое. Исторический контекст подразумевается практически во всех нарративах о городе. Другим ее компонентом служит мотив несправедливой судьбы, поскольку большинство членов сообщества осмысливают себя как группу людей, испытавших травму расставания с городом. Третьим важным условием принадлежности к «приштинцам» является вовлеченность в процесс ностальгирования. Именно эта практика стирает возрастные различия участников и объединяет их в целое поколение, позволяя ему идентифицировать себя как сообщество. Общая идентичность дает возможность незнакомым людям считать себя знакомыми: «Извини, что я к тебе “на ты”, мы ведь землячки» (Duška Jovanović, г. Косовска-Митровица); ср. далее: «Не стоит извиняться, раз уж мы обе из Приштины, то это значит, что мы имеем право быть друг другу ближе» (Ljiljana Docić Trajković, г. Белград).

«Приштинцы» довольно часто делятся в группе опытом поддержания и сохранения своей идентичности в реальной жизни. Актуализация, как правило, происходит при противопоставлении себя принимающему сообществу, то есть в условиях бинарной оппозиции «свой — чужой»: «Я еще ни разу никому не сказала, что я из Белграда, несмотря на то что живу в нем с тех пор, как пришлось уехать из родной Приштины» (Angelina Teravsević, г. Белград); «Если человек забывает свой город, то он утрачивает корни. Я всегда с гордостью говорю, что я из Приштины, а не из Белграда. Это мой “паспорт”» (Vesna Stojanović, г. Белград); «Я уехал из Приштины в 1975 г. А вырос там, в старом центральном квартале Праскина воденица. Я всегда говорю, что я приштинец из Косово и Метохии, из Старой Сербии» (Milivoje Nikolić, г. Земун).

Эта оппозиция зачастую присутствует не только в жизни, но остается принципиальной и после нее. Показательно следующее высказывание: «Когда я прихожу на могилу отца, где надпись на памятнике гласит “из Приштины”, меня обуревают горечь, что он похоронен не между своими» (Vesna Veljković, г. Белград). Посмертное надмогильное маркирование позволяет не только указать на происхождение покойного, но и подчеркнуть объективную невозможность быть похороненным рядом с предками. Таким образом, вербализация идентичности в пространстве кладбищ мемориализирует и сам факт вынужденного переселения сербов из Косово и Метохии в конце XX — начале XXI в. (Ермолин 2014: 44).

«Приштинцы» осознают свою ограниченную численность и естественную убыль. Сообщения о кончине отдельных членов сообщества появляются в группе по несколько раз в неделю: «С каждым днем все грустнее от того, что нас осталось совсем немного, тех, кто еще что-то

помнит... Через пару лет уже не будет всей этой истории...» (Branko Nikić, г. Белград) — «Именно так. Еще сколько-то мы — те, кто помнит, — продержимся, а потом время заберет и нас...» (Suzana Jakšić Andrić, г. Ниш). Такая тенденция заставляет задуматься о судьбе виртуального сообщества и транслируемого им в социальной сети «приштинского нарратива».

Более ранняя версия этого нарратива появилась в 2007 г., когда на платформе новостного ресурса B92 в формате форума образовалось сообщество «Жизнь в Приштине когда-то и теперь» (серб. *Život u Prištini nekada i sada*)⁶. К 2013 г. активность участников резко снизилась, а в 2014–2015 гг. прекратилась вовсе. Это не было связано с естественной убылью участников. Основными причинами угасания сообщества были устаревание формата форума как способа коммуникации и постепенное перетекание аудитории в социальные сети. В отличие от форума, формат которого предполагает определенную анонимность, социальная сеть представляет собой каталог личных страничек, в силу чего служит репрезентативным источником информации. Возможность ознакомиться с персональными данными авторов высказываний налагает на них определенную ответственность за корректность изложения мнений и фактов. Представленность сообщества в лицах открывает более широкие возможности и для самих ее членов, позволяя им узнавать друг друга, вступать в личное общение.

В сообществе «Приштину в сердце» количество участников постоянно растет, несмотря на естественную убыль уроженцев города. Рост популярности группы объясняется не только возможностями социальной сети, но и тем, что с момента югославского кризиса образовалась хронологическая дистанция длиной в одно выросшее поколение. За двадцать лет повзрослели те, кто покинул город еще детьми. У них появилось свое потомство, и вопрос о собственных корнях обрел для них более глубокий смысл. Эти люди активнее включаются в диалоги, пытаются получить от старших как можно больше ответов на волнующие вопросы. Другим фактором роста популярности группы служит то, что приштинский нарратив как часть косовского дискурса и сербского вопроса продолжает составлять актуальную повестку дня в политической жизни постюгославского пространства. Можно предположить, что группа сохранит свое существование и после поколенческой смены актива, но акцент в ней сместится в историко-политическое, мифологизированное русло. Ее судьба будет зависеть от коммуникационной активности собеседников, сохранения общих ценностей и стремления к саморепрезентации как сообщества. На это косвенно указывает и то, что, несмотря на обращенность

⁶ URL: <https://forum.b92.net/topic/40038-%C5%BEivot-u-pri%C5%A1tini-nekada-i-sada/page-1> (дата обращения: 03.09.2021).

центрального вектора диалогов в прошлое, в них находит себе место и проблема будущего.

МОТИВ РЕВАНША И ВОЗВРАЩЕНИЯ КАК ПРАКТИКА ПРОЖИВАНИЯ ТРАВМЫ

Из диалогов следует, что большинство бывших жителей Приштины за протекшие десятилетия обустроили свою жизнь в других населенных пунктах. Они осознают, что их будущее не связано с родным городом. Вместе с тем риторика реванша и возвращения время от времени всплывает в разговорах: «Никогда не говорите, что мы не вернемся в наше Косово!» (Vape Milić); «Думаю, что настало время избавиться от патетики и ностальгии и прочих бесполезных эмоций и начать строить план относительно устранения этой дьявольской несправедливости. Когда наступят подходящие условия, мы реализуем этот план и вернем и Приштину, и Косово и Метохию, и сербское население. И мы снова будем в своем городе на своем месте, как это было всегда» (Leo Jaramaz, г. Монреаль); «Рамизу очень скучно без Боре. Не горюй, Рамиз, Боро⁷ к тебе скоро вернется» (Zorica Popović, г. Нови-Сад). Эти императивы не подразумевают конкретных намерений, являясь риторическими. Они служат, по сути, элементом терапии коллективной травмы, природа которой не позволяет ей быть пережитой до конца. Несмотря на все большее временное отдаление от травмирующих событий прошлого, многие отмечают, что их ностальгические переживания лишь усиливаются: «С каждым днем ностальгия по Приштине становится все сильнее» (Јелена Витковић Сићевић, г. Ниш); «Время, которое навсегда осталось в наших душах как вечное воспоминание, обжигает наши сердца, которые любят Приштину, и всегда будут любить ее такой, какой ее полюбили и с любовью покинули» (Mursa Vajrami, г. Болонья).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Осознанно или нет, члены сообщества, публикующие свои нарративы о Приштине, способствуют формированию и передаче коллективной памяти следующим поколениям. Эта память выступает своеобразным мостом между прерванным прошлым и текущим настоящим участников этого виртуального сообщества. Они пытаются наделить повседневность особым смыслом, привнося в нее собственные версии мифа о «золотом

⁷ Имеются в виду Боро Вукмирович и Рамиз Садику, которые были необычайно популярны в югославский период: два товарища-партизана, черногорец и албанец, попали в плен и были расстреляны в 1943 г., а в 1945 г. им посмертно были присвоены звания народных героев Югославии. В югославском Косово их общее дело и гибель символизировали единство всех народов, наций и народностей Югославии и общее стремление к коммунистическому будущему.

веке». Мифологизированный бэкграунд позволяет отвечать на многие вопросы о сложностях приспособления к современному укладу жизни, ответы на которые часто приходят через осознание собственной идентичности, своей судьбы, связанной с множеством других судеб, также переживших смену культурной среды и исторической эпохи.

Анализ контента и коммуникативных практик группы «Приштина в сердце» показывает, что для многих ее членов участие в сообществе служит не только способом самоидентификации в динамичном и пестром социальном пространстве современности, но и защитой своего индивидуального через коллективное. Группа выступает источником понятных и неизменных ценностей, сохраняющихся в условиях постоянно трансформирующейся окружающей среды, а практика онлайн-ностальгирования позволяет его членам пережить посттравматический синдром, приобретенный ими вследствие распада Югославии, Косовского кризиса и изменения этнокультурного ландшафта в местах их прежнего проживания.

Освоенная практика онлайн-ностальгирования смягчает индивидуальные адаптационные процессы, производя терапевтический эффект и выполняя компенсаторную функцию. Память о городе и живших в нем людях создает пространственно-временной континуум, в котором, в отличие от наполненной стрессами и страхом неизвестности реальной жизни, все знакомо и предсказуемо. В силу этого мысленное перемещение в него обеспечивает членам сообщества ментальный комфорт и делает группу своеобразным местом бегства от повседневности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Абрамов Р. Н. «Советский чердак» российской блогосферы: анализ ностальгических виртуальных сообществ // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2011. Том 5. № 6. С. 88–102.

Бойм С. Ю. Будущее ностальгии. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 680 с.

Глазков К. Ментальные карты: способы анализа, погрешность и пространственная метрика // Социология власти. 2013. № 3. С. 39–56.

Головнёв А. В. Киберскорость // Этнография. 2020. № 3. С. 6–32.

Головнёв А. В., Белоруссова С. Ю., Киссер Т. С. Веб-этнография и киберэтничность // Уральский исторический вестник. 2018. № 1. С. 100–108.

Ермолин Д. С. Коллективная память и трансформация культурного ландшафта городов Косово на рубеже XX–XXI веков // Радловский сборник. Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2016 г. / Отв. ред. Ю. К. Чистов. СПб.: МАЭ РАН, 2017. С. 116–126.

Ермолин Д. С. Пространство смерти и этнокультурная мозаика Призрена (Косово / Сербия) // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2014. № 2. С. 36–56.

Ермолин Д. С. Свои среди чужих, чужие среди своих: косовские сербы в г. Ниш (Сербия) // Европа меньшинств — меньшинства в Европе: Этнокультурные, религиозные

и языковые группы / Отв. ред. и сост. М. Е. Кабицкий, М. Ю. Мартынова. М.: ИЭА РАН, 2016. С. 43–70.

Ермолин Д. С. Символическое нациестроительство и культурный ландшафт городов Косово на рубеже XX–XXI вв. // Кунсткамера. 2020. № 1. С. 188–198.

Ермолин Д. С. Соседское сообщество в балканском городе: между памятью и пространственностью // Этнографическое обозрение. 2017. № 4. С. 131–146.

Кусимова Т. Б., Шмидт М. А. Ностальгическое потребление: социологический анализ // Журнал институциональных исследований. 2016. Т. 8. № 2. С. 120–133.

Мартынова М. Ю. Этнический фактор в судьбе Косово // Косово: прошлое, настоящее, будущее / Отв. ред. С. А. Романенко, Б. А. Шмелев; предисл. Р. С. Гринберг. СПб.: Алетей, 2013. С. 82–135.

Очкина А. В. К вопросу о социальной природе «советской ностальгии» // Известия ПГПУ им. В. Г. Белинского. 2012. № 28. С. 50–57.

Пузанов К. Территориальные границы городских сообществ // Социология власти. 2013. № 3. С. 27–37.

Сергодеев В. А. Сетевые интернет-сообщества: сущность и социокультурные характеристики // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2013. Вып. 1 (113). С. 132–137.

Смолина Н. С. «Советское» в постсоветском пространстве: анализ ностальгических сообществ // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 17 (346). Философия. Социология. Культурология. Вып. 33. С. 133–136.

Bošković A. Yugonostalgia and Yugoslav Cultural Memory: Lexicon of Yu Mythology // Slavic Review. 2013. Vol. 72. Issue 1. Pp. 54–78.

Davis F. Yearning for yesterday: A sociology of nostalgia. New York: The free Press, 1979.

Korkiakangas P. Everyday Life, Objects, and Nostalgia // Studies in Folk Culture. Vol. 3. Everyday Life and Cultural Patterns. Tartu: Tartu University Press, 2004. Pp. 113–129.

Kozinetz R. Netnography: Redefined. Los Angeles: SAGE Publications, 2010. 232 p.

Lleshi Q. Evoluiranje funkcija grada na primerima urbanih i urbaniziranih centara Kosova // Jugoslovanski simpozij o urbani geografiji. Ljubljana: Inštitut za geografijo univerze, 1971. S. 117–130.

Luthar B., Pušnik M. Remembering Utopia: The Culture of Everyday Life in Socialist Yugoslavia. Washington: New Academia Publishing, 2010. 468 p.

Maksimović M. Unattainable past, unsatisfying present – Yugonostalgia: an omen of a better future? // Nationalities Papers. 2017. Vol. 45. Issue 6. Pp. 1066–1081.

Pink S. et al. Digital ethnography. Principles and practice. Los Angeles: SAGE Publications, 2015. 216 p.

Registracija lica raseljenih sa Kosova i Metohije. URL: <http://arhiva.kirs.gov.rs/docs/statistika/Registracija%20Lica%20Raseljenih%20sa%20Kosova%20i%20Metohije.pdf> (дата обращения: 12.03.2021).

Sadiki A., Mako V. Sociological dimension of urban plans: General urban plan of Priština from 1953, arch. Dragutin Partonić // The Facta Universitatis. Series: Architecture and Civil Engineering. 2019. Vol. 17. No 1. Pp. 93–104.

REFERENCES

Abramov R. N. [“Soviet attic” of the Russian blogosphere: an analysis of nostalgic virtual communities]. *Interaksiia. Interv'iu. Interpretatsiia* [Interaction. Interview. Interpretation], 2011, vol. 5, no. 6, pp. 88–102. (In Russian).

Boim S. Yu. *Budushchee nostal'gii* [The Future of Nostalgia]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2019. (In Russian).

Bošković A. Yugonostalgia and Yugoslav Cultural Memory: Lexicon of Yu Mythology. *Slavic Review*, 2013, vol. 72, issue 1, pp. 54–78. (In English).

Davis F. *Yearning for Yesterday: A Sociology of Nostalgia*. New York: The free Press, 1979. (In English).

Ermolin D. S. [Collective memory and transformation of the cultural landscape of the cities of Kosovo at the turn of the 20-21st centuries]. *Radlovskii sbornik. Nauchnye issledovaniia i muzeinye proekty MAE RAN v 2016 g.* [Radlov collection. Scientific research and museum projects of the MAE RAS in 2016]. St. Petersburg: MAE RAS Publ., 2017, pp. 116–126. (In Russian).

Ermolin D. S. [Neighbourhood Community in a Balkan City: between Memory and Spatiality]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2017, no. 4, pp. 131–146. (In Russian).

Ermolin D. S. [Our own among strangers, strangers among our own: Kosovo Serbs in Niš (Serbia)]. *Evropa men'shinstv – men'shinstva v Evrope: Etnokul'turnye, religioznye i iazykovye gruppy* [Minority Europe — Minorities in Europe: Ethnocultural, Religious and Linguistic Groups]. Moscow: IEA RAS Publ., 2016, pp. 43–70. (In Russian).

Ermolin D.S. [Death Space and Ethnocultural Mosaics of Prizren (Kosovo/Serbia)]. *Gosudarstvo, religiia, tserkov' v Rossii i za rubezhom* [State, Religion, Church in Russia and Abroad], 2014, no. 2, pp. 36–56. (In Russian).

Ermolin D. S. [Symbolic Nation-Building and Cultural Landscape of Kosovo Cities on the turn of the 20th–21st Century]. *Kunstkamera*, 2020, no. 1, pp. 188–198. (In Russian).

Glazkov K. [Mental Maps: Methods of Analysis, Error and Spatial Metrics]. *Sotsiologiya vlasti* [Sociology of Power], 2013, no. 3, pp. 39–56. (In Russian).

Golovnev A. V. [Cyberspace]. *Etnografiia*, 2020, no. 3, pp. 6–32. (In Russian).

Golovnev A. V., Belorussova S. Iu., Kisser T. S. [Web-ethnography and cyber-ethnicity]. *Ural'skii istoricheskii vestnik* [Ural Historical Journal], 2018, no. 1, pp. 100–108. (In Russian).

Korkiakangas P. Everyday Life, Objects, and Nostalgia. *Studies in Folk Culture*, vol. 3 (*Everyday life and cultural patterns*). Tartu: Tartu University Press, 2004, pp. 113–129. (In English).

Kozinetz R. *Netnography: Redefined*. Los Angeles: SAGE Publications, 2010. (In English).

Kusimova T. B., Shmidt M. A. Nostal'gicheskoe potreblenie: sotsiologicheskii analiz [Nostalgic Consumption: A Sociological Analysis]. *Zhurnal institutsional'nykh issledovani*, 2016, vol. 8, no. 2, pp. 120–133. (In Russian).

Lleshi Q. [Evolution of City functions on the Examples of Urban and Urbanized Centers of Kosovo]. *Jugoslavanski simpozij o urbani geografiji*. Ljubljana: Inštitut za geografijo univerze, 1971, pp. 117–130. (In Serbo-Croatian).

Luthar B., Pušnik M. *Remembering Utopia: The Culture of Everyday Life in Socialist Yugoslavia*. Washington: New Academia Publishing, 2010. (In English).

Maksimović M. Unattainable past, unsatisfying present — Yugonostalgia: an omen of a better future? *Nationalities Papers*, 2017, vol. 45, issue 6, pp. 1066–1081. (In English).

Martynova M. Yu. [Ethnic factor in Kosovo's Fate]. *Kosovo: proshloe, nastoiashchee, budushchee* [Kosovo: Past, Rresent, Future]. St. Petersburg: Aleteiia Publ., 2013, pp. 82–135. (In Russian).

Ochkina A. V. [On the question of the social nature of “Soviet nostalgia”]. *Izvestiia PGPU im. V. G. Belinskogo* [Izvestia PGPU im. V. G. Belinsky], 2012, no. 28, pp. 50–57. (In Russian).

Pink S. et al. *Digital ethnography. Principles and practice*. Los Angeles: SAGE Publications, 2015. (In English).

Puzanov K. [Territorial boundaries of urban communities]. *Sotsiologiya vlasti* [Sociology of Power], 2013, no. 3, pp. 27–37. (In Russian).

Sadiki A., Mako V. Sociological dimension of urban plans: General urban plan of Priština from 1953, arch. Dragutin Partonić. *The Facta Universitatis. Series: Architecture and Civil Engineering*, 2019, vol. 17, no. 1, pp. 93–104. (In English).

Sergodeev V. A. [Networked Internet communities: essence and socio-cultural characteristics]. *Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta (Regionovedenie: filosofiya, istoriya, sotsiologiya, iurisprudentsiya, politologiya, kul'turologiya)* [Bulletin of the Adyge State University. Series 1: Regional Studies: Philosophy, History, Sociology, Jurisprudence, Political Science, Culturology], 2013, vol. 1 (113), pp. 132–137. (In Russian)

Smolina N. S. [“Soviet” in the post-Soviet space: an analysis of nostalgic communities]. *Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Series: Filosofiya. Sotsiologiya. Kul'turologiya* [Bulletin of the Chelyabinsk State University. Series Philosophy. Sociology. Culturology], 2014, no. 17 (346). vol. 33, pp. 133–136. (In Russian).

Submitted: 01.04.2021

Accepted: 20.04.2021

Published: 01.10.2021